

зы. Я даже не в состоянии их остановить. И всё из-за того, что он изменил, а когда после ссоры я попыталась его простить, но он остался и выбрал её. Я не буду им мешать, я не привыкла. Это был его выбор. Надеюсь, он меня забыл потому, что я докуриваю последнюю сигарету и ухожу, ухожу навсегда... (текст без указания имени).

Вообще, этот сюжет ухода героя из жизни, потому что он не умеет, не хочет и не считает для себя возможным активно вмешиваться в жизнь и устраивать свою судьбу, весьма характерен для текстов эмолюдей, например:

8. Сердце разбито, капает кровь.

Вот до чего доводит Емо любовь (текст без указания имени).

См. также тексты 4 и 5.

Завершая свой поневоле краткий анализ, мне хотелось бы указать, что тексты эмолюдей, с одной стороны, воспроизводят все характерные черты современной культуры постмодернизма, более того, многие из них кажутся переводами из англо-американской поэзии эпохи битников и хиппи. Вместе с тем – с другой стороны – тексты эмолюдей воспроизводят формы традиционного подросткового (школьного) фольклора, хотя и в значительно утрированной форме. Если обычному подростковому фольклору свойственны две стихии: трагическое переживание жизни и стёб, то здесь мы видим только один трагизм, всякий стёб оказывается неуместен и не нужен. Это, конечно, и делает фольклор эмолюдей фольклором субкультуры, а не общенациональным фольклором. Эмолюди знают, конечно, и садистские стишки, и стихотворения/песни-переделки, но актуальной для них оказывается только одна модель мира – трагедия.

В. В. Линкевич

«МУХИ-ГОРЮХИ»

The article is concerned with the funeral rite of flies written down in Andreapol district of Tver region and characteristic of the Central Russia as a whole. The rite originates from archaic calendar festival (autumn).

Key words: insect, rite, funeral, folklore, ethnography.

Это небольшое сообщение основано на материалах, собранных нами десять лет назад¹. К величайшему сожалению, с тех пор, как мате-

---

¹ Предварительная публикация: Линкевич В. «Мухи-горюхи» // Авангард (Западная Двина). 1999. № 20 (9391). 11 мая.

риал вышел в свет, каких-то дополнительных сведений по освещаемому вопросу у нас не прибавилось. Причина тому – уход из жизни многих старожилов, невозможность отыскать какие-либо сведения в архивах, отсутствие таковых в литературе.

В октябре 1997 г., путешествуя с руководителем этнографического центра г. Ржева С. В. Моряковым для записи фольклора по деревням Андреапольского района, мы обнаружили описание интереснейшего народного осеннего обряда. Суть его заключается в следующем. В начале бабьего лета, 14 сентября (1 сентября по старому стилю – Семёнов день, Симеон-летопрободец) жители сельской местности хоронили... мух. Сразу же замечу, что все, кто мог поведать нам о мушиных похоронах, родились в южной части Андреапольского района (бывшая территория Сопотской волости Бельского уезда Смоленской губернии). В иных частях района лишь кое-где едва сумели припомнить о таком чудном действе. Во многих же случаях откровенно смеялись: «Это пьяницам, да кому делать нечего».

Хотя, по-видимому, этот обряд был распространён во многих центральных российских губерниях, ещё в XIX в. он начал вымирать. Единственный на нынешний момент письменный источник по данной теме, какой удалось разыскать с помощью И. Г. Воробьёвой, был опубликован в 1877 г. Это письмо члена-сотрудника общества В. И. Шейна, содержащее собирательские сведения по обряду. Весь смысл обряда в этом письме сведён к бытовой практике крестьян. В. И. Шейн считал, что похоронами мух, тараканов и других насекомых изживаются из домов и остальные твари зловредной энтомологической породы. Между прочим, В. И. Шейн приводит интересное для нас сообщение о «похоронных песнях»: «Песни, которые поются при этом, рассказчица, к сожалению, не могла припомнить». С нашей точки зрения, здесь выражается свойственное эпохе позитивизма истолкование древнего языческого календарного обряда как обычного суеверия.

Одну песню, записанную в Зарайском уезде Рязанской губернии, В. И. Шейн цитирует:

Стоят стожки зелёные,
Поют петушки молодые,
Они чуют свадьбу большую,
Большую, не меньшую, комарёву.
Задумал комар жениться,
Слетались мушки-погремушки
На свадьбу, на большую комарёву,
Комарик на мушке женился,
Завел мушку в чуланчик,

Стал мушку спрашивать:
«Что ты, мушка, умеешь?
Чему ты, мушка, горазда?»
«Я ни ткать, ни прясть не умею,
Ни починочки мотать не горазда,
Только я, мушка, умею
С крыночки на крыночку летати,
Из-под крыночку сметану таскати!»
Рассердился комарёчик на мушку,
Полетел комарёчик выше лесу:
Опустился комарёчик на дубочек,
Под ним сырой дуб раскачался,
Комарёчик на дубу раздремался.
Упал комарёчик со дубочка,
Разбил свою буйную головушку.
Слетались мухи-погремухи
Комарёчка хоронити.
Завернули его во тряпичку,
Положили его во лубочек,
Понесли комарёчка хоронити
К большому ко приходу, ко отходу¹.

Но вернёмся к андреапольским краям. Даже из того, что нам в конце 1990-х гг. удалось записать, видно, что характерные черты «похорон» мух присутствовали везде.

Татьяна Никифоровна Смирнова из деревни Копытово, 1914 г. р., вспоминала:

«Праздник справлялся каждый год осенью, 14 сентября. Собирались окрестные деревни – Фролово, Шустино, Подвязье, Копытово, Гусево, Губино. Зажигали пуки соломы на шестах и с этими шестами шли на гору. Впереди шли женщины со спичечными коробками, в которых лежали мёртвые мухи. Женщины плакали голосом по этим мухам:

Ой, мушеньки мои горюшеньки,
Как вы нас помучили!
Тараканчики-барабанчики,
Как вы нас кусали!

Дальше не помню. Песни были, как на настоящих похоронах. Сзади всех шла такая баба Машка, её в деревне колдуньей звали. Она била в

---

¹ Протокол 23 заседания этнографического отдела... от 13 марта 1877 года // Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1877. Т. XXVIII. Кн. IV. С. 20–21.

печную заслону – вроде как вместо церковных колоколов. Приговаривала: “Господи, помилуй”. Ну, и ещё какие-то свои присказки добавляла.

Приходя на гору, копали ямки, и в них закапывали эти коробки с мухами. Мух поминали там же, на горе, сваренной из пшеницы кутьёй. Всё это было часов в шесть вечера. Когда начинались сумерки – уходили с горы, а потом гуляли, молодёжь по-своему, бабы по-своему».

А вот как вспоминала об этом дне жительница Андреаполя, уроженка деревни Глухарёво Татьяна Ивановна Жарковская, 1914 г. р.:

«Мух собирали по окнам. Хоронили в спичечных коробках, да не в одной, а штука в трёх. Зажигали факелы и собирались на гору – это где-то в километре от деревни. Солома для факелов была скручена и обмазана чем-то (дэгтем?) так, что пока её несли на шестах, она горела. Несли эти факелы человек шесть, а участвовала в похоронах вся деревня. Начинили к вечеру, ходили час-полтора. Один мужчина бьёт по печной заслонке железкой какой-либо. А мы плачем:

Мушеньки-горюшеньки,
Кто по вам поплачет –
Волк косматый, медведь лохматый,
Да я, горюшенька...
Ох!

Вот придём на место, выкопаем ямку и зароем эти коробки с мухами. Ещё поплачем – и пойдём. Придём все к кому-то одному в дом, и часа два сидим за небольшим столом, поминаем. А потом расходимся домой. На стол ставим всё, что есть. Мужчинам – пол-литра. “Вы, – говорим, – хорошо грохотали”».

В обоих описанных случаях, если внимательно приглядеться, присутствует несколько обязательных элементов языческих календарных обрядов.

Первый: хоронили не где-либо на огороде, а непременно несли на горку. На ту самую, где справляли все другие праздники, такие, как Масленицу.

Второе: несли шесты с зажжённой соломой – пуками, или скрученной жгутом.

Третье: били в заслонку – отгоняли нечистую силу, злых духов.

И четвёртое: в процессии обязательное участие всего населения. Кстати, до спичечных коробков мух хоронили в «гробах», сделанных из картофеля или свёклы.

О природе обряда, из-за скудости данных, мы можем только догадываться. Но доля этнографически точного понимания и объяснения есть уже и в упоминавшемся мною документальном источнике. В своей резолюции на письмо В. И. Шейна член Императорского общества лю-

бителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете В. Ф. Миллер написал следующее: «Изображая наглядно поворот солнца на зиму, народ, как известно, хоронит чучело солнца, купалу. Подобным же образом хоронит он и атрибут солнечного божества – мух, которые действительно с начала осени (с бабьего лета) начинают исчезать. Но с течением времени обряд, связанный с известным переходом в году, отделяется от этого перехода и получает общее значение. Похороны мухи, как и похороны купалы, сначала действительно прообразовывали события природы, то есть смерть солнца и мух; впоследствии же обряд похорон стал совершаться тогда, когда желали избавиться от мух в жилищах, хотя бы смерть их и не была своевременна. Наконец обряд распространён и на других насекомых, смерть которых не связана уже с окончанием лета – на клопов, тараканов, блох. Итак, в обряде следует различать более и менее древнюю формацию»¹.

Полагаю, что данное сообщение заинтересует собирателей фольклора и будет способствовать активизации опроса населения на предмет записи хоть какой-то информации о «мухах-горюхах» и их «похоронах»².

С. А. Ситникова

НАРОДНЫЕ ОБРЯДОВЫЕ ТРАДИЦИИ ДНЯ ИВАНА КУПАЛА В ТОРЖОКСКОМ РАЙОНЕ

По материалам экспедиций ГАСК 2006–2009 годов

The author of the article describes Kupala rite tradition in Torzhok district emphasizing the role of fortune-telling as an important structural element of the Kupala festival.

Key words: archive, legend, tradition, folklore, ethnography.

День Ивана Купала в календаре славян отмечается 24 июня (7 июля по юлианскому календарю) и маркирует одну из четырёх солнечных фаз – летнее солнцестояние. Купальский праздник исследователи

¹ Протокол 23 заседания этнографического отдела... от 13 марта 1877 года. С. 22.

² Своеобразное воспоминание о детском подражании этому обряду мы видим в стихах самодельной поэтессы из Торопца Л. И. Никитиной: «На завалинке у дома // Хоронили мух засохших, // Подражая людям взрослым // Отпевание усопших». См.: Петров А. А. Л. И. Никитина как поэт-краевед // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник / Сост. В. В. Кузнецов. Ред. В. М. Воробьёв, М. В. Строганов. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. Вып. 2. С. 98 – *Прим. ред.*